

Войно-Ясенецкий: две грани одной судьбы

В. Ф. Войно-Ясенецкий – профессор Ташкентского медицинского института и... архиепископ; один из немногих, чей бронзовый бюст был прижизненно установлен в галерее выдающихся хирургов нашей страны в Институте неотложной помощи им. Склифосовского в г.Москве, и... видный церковный деятель, занесенный в списки высшего духовенства русской православной церкви; автор “Очерков гнойной хирургии”, удостоенных первой послевоенной Государственной премии СССР в 1946 году, и... религиозного трактата “Дух пророка Самуила”; врач, блестяще знающий анатомию человеческого тела, и священнослужитель, верящий, что в сердце помещается душа, — достаточно много

неординарного и противоречивого сосуществовало в мировоззрении и жизнедеятельности Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого.

Как в этом человеке могло совмещаться казалось бы несовместимое?

В первых числах апреля 1917 года в Ташкент из России вместе с семьей прибыл доктор медицины В.Ф.Войно-Ясенецкий, приглашенный на должность главного врача и заведующего хирургическим отделением городской больницы.

После неяркой природы средней полосы России Ташкент поражал обилием сочных красок в цветниках, садах и на улицах. Жена Валентина Феликсовича — Анна Васильевна, страдающая туберкулезом легких, как-то сразу повеселела — от свежего весеннего воздуха стало легче дышать, и появилась надежда на улучшение здоровья.

Больничным персоналом приветливо встретил Войно-Ясенецкого. Обосновались в большом шестикомнатном доме на территории больницы, специально предназначенном для главного врача.

После отдыха, к вечеру, Войно-Ясенецкие решили посмотреть город и, в первую очередь, восточный базар.

Рядом с базаром шумели оживленные улицы, по которым непрерывно сновали люди — мужчины в халатах, чалмах, тюбетейках, лисьих малахях, женщины в черно-сером одеянии, и такого же цвета покрывала на лицах, многие с ношей на голове; заунывно скрипели арбы с огромными колесами, важно вышагивали караваны верблюдов... Дальше начинались торговые ряды огромного базара. Войно-Ясенецкие были поражены обилием и пестротой красок. Изумляли дары узбекской земли, сохранившиеся от урожая прошлого года: яркие сочно-красные зерна гранатов, будто только сейчас сорванные с деревьев яблоки, подвешенные к потолку лавок коричнево-зеленоватые, с густой сетью

серых прожилок дыни с неповторимым ароматом.

Вдруг прозвучал громкий напевный голос со стороны мечети, и, словно по мановению волшебной палочки, наступила тишина. Все мужчины от мала до велика, подстелив небольшие коврики, стали на колени. Началась молитва...

Религиозность местного населения произвела большое впечатление на Валентина Феликсовича, понравилось ему и сразу бросившееся в глаза уважительное отношение местных жителей друг к другу, особенно ребятишек к старшим, когда они обязательным “Салам алейкум” приветствовали каждого, даже незнакомого человека, появившегося на улице...

На другой день Валентин Феликсович проснулся рано... В открытое окно врвались опьяняющие запахи раннего весеннего утра и негромкое воркование горлинок. Анна Васильевна еще спала. В эту первую ташкентскую ночь впервые за многие дни снотворное не понадобилось. Чтобы не прервать беспокойный сон жены, он осторожно встал, перекусил остатком вчерашнего ужина и вышел во двор. Несмотря на раннее утро, было тепло, в высоком прозрачном небе медленно плыли облака, легко дышалось воздухом, насыщенным ароматом цветущих растений, тихо журчала вода в арыке. Войно-Ясенецкий стал с интересом наблюдать, как садовник-узбек аккуратно и неторопливо подстригал в очень ровную линию разросшиеся верхушки каких-то кустарников. “В Переяславле в это время еще холодно, сыро, дождливо”, — пронеслось в голове. Посмотрел на часы — настало время обхода — первого обхода больницы.

Терапевтическим отделением заведовал молодой, популярный уже в те годы терапевт Моисей Ильич Слоним — будущий профессор Ташкентского медицинского института. В отделении преобладали болезни малярией, спру, колитами, различными заболеваниями печени, лейшманиозом — специфическими болезнями Средней Азии. В хирургическом отделении новый главный врач также обратил внимание на болезни, с которыми в своей практике еще не встречался. Его заинтересовали болезни номой, или “водяным раком” лица, риштой, пендинской язвой. Много было больных с огромными зобами и детей с ожогами.

В.Ф.Войно-Ясенецкий. Ташкент. 1936

На вопрос, почему так много детей с ожогами, доктор Ротенберг ответил, что в зимнюю пору для отопления помещения коренные жители пользуются сандалом, иначе говоря, горшком с горящими угольями, который помещается в углублении под столом на низких ножках; вокруг располагается семья. Обувь обычно снимается, а нижняя часть тела покрывается небольшим стеганым одеялом — курпачой; ноги помещаются ближе к сандалу. Нередко при неосторожном движении дети, а иногда и взрослые получают серьезные ожоги,

Много было больных с различными гнойными заболеваниями. “Богатый материал для

продолжения исследований по гнойной хирургии”, — отметил про себя Валентин Феликсович. К концу обхода главному врачу доложили, что доставлен больной с ущемленной грыжей. Войно-Ясенецкий решил оперировать сам по своему методу, заметно снижающему вероятность возникновения тяжелого, часто смертельного, послеоперационного осложнения — воспаления брюшины. Суть метода заключалась в том, что в первую очередь восстанавливается проходимость кишечника, а затем удаляется ущемленный его участок. Многим больным, оперированным Валентином Феликсовичем в земских больницах Ардатова, Романова, Переяславль-Залесского, подобная операция спасла жизнь.

Неожиданно для всех, прежде чем начать операцию, Войно-Ясенецкий перекрестился, перекрестил ассистента, операционную сестру и больного. В последнее время он это делал всегда, вне зависимости от национальности и вероисповедания пациента. Однажды после крестного знамения больной — по национальности татарин — сказал хирургу: “Я ведь мусульманин. Зачем же Вы меня крестите?” Последовал ответ: “Хоть религии разные, а бог один. Под богом все едины”.

Все присутствующие в операционной с восторгом и удивлением следили за быстрыми и ловкими движениями больших рук оператора. Чувствовалась уверенность во всей его работе, от разреза кожи до наложения последних швов.

Вечером того же дня Валентин Феликсович вместе с женой посетили кафедральный собор и познакомились с его настоятелем. С этого дня у них были постоянные места в храме.

Сотрудники хирургического отделения по опубликованным работам знали, что их новый заведующий не только убежденный сторонник регионарной (проводниковой) анестезии, но и автор ряда оригинальных ее методик, в частности — введения обезболивающих лекарственных препаратов непосредственно в нервы для прорыва проводимости болевых сигналов из зоны операции. Просили монографию... но у него остался всего один экземпляр “Регионарной анестезии”, изданный в 1915 году. Из-за очень малого тиража не хватило нужного количества книг даже для посылки в Варшавский университет, чтобы получить присужденную Войно-Ясенецкому за эту работу премию им.Хайнацкого. Валентин Феликсович, крайне нуждавшийся в то время в деньгах, из-за этого так и не получил премию, а она была довольно весомой — 900 рублей золотом.

Читали монографию по очереди... Коллеги были приятно удивлены, когда случайно выяснилось, что все рисунки в книге выполнены самим автором; Валентин Феликсович, оказывается, одновременно с гимназией окончил в Киеве художественное училище.

Вскоре Валентин Феликсович продемонстрировал регионарную анестезию во время ампутации руки. Обезболивание получилось отменным — больной во время операции и некоторое время после нее совершенно не чувствовал боли. Новый метод обезболивания сразу же приобрел многих горячих сторонников.

Это и понятно. Ведь масочный наркоз с момента его появления в 40-е годы XIX века к этому времени не претерпел никаких принципиальных изменений.

Общий наркоз, совершивший революцию в хирургии и позволивший выполнять большие и травматические операции, сам по себе был далеко небезопасным. Техника дачи наркоза была примитивной — на рот и нос больного накладывалась маска из нескольких слоев марли, и хлороформа или эфира попадало в операционную. Особенно много испарений из маски доставалось наркотизатору. В те годы часто шутили: “Наркотизатор уже заснул, а больной еще не спит”.

Только в середине XX века англичанин Макинтош предложил современный эндотрахеальный наркоз с управляемым дыханием, который произвел революцию в анестезиологии и открыл перед хирургией новые большие возможности.

Валентин Феликсович быстро получил признание как высокоэрудированный врач и блестящий хирург не только медицинской общественности города, но и населения. К нему потянулись толпы больных из Ташкента, окрестных селений и городов обширного Туркестанского края. В оказании медицинской помощи он никому и никогда не отказывал.

Нет органа в человеческом теле, к которому не прикасался бы целебный скальпель Войно-Ясенецкого. Он был окулистом и ларингологом, гинекологом и урологом, стоматологом и нейрохирургом, ортопедом и онкологом, и в каждой отрасли медицины достиг хирургического совершенства. К сожалению, сегодня не все узкие специалисты, работая в несравненно лучших условиях, выполняют в своей области те оперативные вмешательства, которыми владел этот земский врач.

Известное изречение Амбруаза Паре, определяющее обязанности врача; “Иногда — вылечить, часто — облегчить, всегда — успокаивать”, которое Войно-Ясенецкий своей деятельностью несколько изменил: “Всегда стараться вылечить”, стало основным в работе хирурга, и он небезуспешно брался за самые сложные операции у, казалось бы, безнадежных больных.

Но не всегда это возможно... Не всегда удастся правильно предсказать исход болезни, а тем более операции, особенно, когда смерть наступает на операционном столе. Трудно передать, что испытывает врач, когда он должен сообщить родственникам о трагедии, разыгравшейся в операционной. Нет, пожалуй, хирурга, который хоть раз в жизни не испытал бы на себе тяжесть такого внезапного, но очень сильного удара.

Вскоре после приезда в Ташкент такая трагедия произошла и у Валентина Феликсовича. Больной была сделана операция по поводу рака молочной железы. Как обычно, он объяснял присутствующим врачам и студентам ход операции и показывал ее анатомические особенности вплоть до мелочей: сколько венозных веточек и каких вен пересечено, необычное расположение сосудов и т.д. Профессор, желая

продемонстрировать врачам, что полностью удалены все лимфатические железы над ключицей, провел над ней пальцем. Внезапно послышался свист, и больная мгновенно скончалась. Свист — звук быстро всосавшегося воздуха в крупную вену, где всегда имеется отрицательное давление по отношению к атмосферному. Смерть наступила от закупорки полостей сердца воздухом — воздушной эмболии. Видимо, небольшое незамеченное повреждение вены было прикрыто жиром или сгустком крови до случайного и рокового обнажения дефекта пальцем.

Войно-Ясенецкий очень тяжело переживал эту неожиданную смерть. Казалось бы, ему, глубоко религиозному человеку, легче всего было бы сослаться на волю божью, когда исход операции был predetermined свыше, и этим успокоить себя. Но нравственные позиции Валентина Феликсовича выступали против этого: во всех научных трудах он подчеркивает, что исход болезни в огромной мере зависит от знаний и искусства врача. Поэтому со всеми своими неудачами, трагическими случаями, неожиданными трудностями, встретившимися во время операции, он старался ознакомить врачей, чтобы таких ситуаций было как можно меньше.

Перемена климата, хорошее питание, обилие овощей и фруктов, особенно виноградолечение, рекомендованное доктором М.И.Слонимом, временно улучшили состояние здоровья Анны Васильевны. Это позволило Валентину Феликсовичу отдаться целиком любимому делу. Помимо забот главного врача, интенсивной хирургической деятельности, он много работал в морге, изучая пути распространения гнойных процессов, а на церковь уже не оставалось времени, и посещения ее в 1917-1918 годах были редкими.

После октябрьских боев в 1917 году на улицах Ташкента в хирургическое отделение городской больницы поступило много раненых. Оперировать пришлось и днем и ночью. Советскую власть Войно-Ясенецкий воспринял как отвечающую народным интересам; декрет о мире вызвал полное его одобрение.

В медицинских кругах города оживленно обсуждались перспективы развития медицины в Средней Азии. В первую очередь и срочно нужно было решать вопрос о кадрах. Ведь на весь необъятный Туркестанский край было всего 250 врачей, включая бывших военнопленных — венгров, чехов, австрийцев. Только теперь стало возможным открыть по предложению врачей-энтузиастов И.И.Орлова, Г.И.Бровермана, Л.В.Ошанина, М.И.Слонима, А.Д.Грекова Высшую краевую медицинскую школу. Однако организация этой школы затягивалась из-за отсутствия соответствующей базы и трудностей военного времени. Период конца 1918 и начала 1919 года был наиболее тяжелым для Советской власти в Туркестане. К этому времени железнодорожный путь через Оренбург находился в руках белоказаков, хлеб из района Актюбинска не поступал.

Стал острым продовольственный вопрос. Войска снабжаются в первую очередь, бойцы получают полфунта хлеба и четвертинку из смеси овса, кукурузы и пшена. В Ташкенте начался голод. Плохое питание в первую очередь отразилось на здоровье Анны

Васильевны — она стала медленно угасать, и даже “усиленное питание” — паек, выхлопотанный ей доктором Слонимом, — не помогло. В октябре 1919 года в возрасте 38 лет Анна Васильевна скончалась. Валентин Феликсович тяжело переживал кончину своей верной подруги, считая, что эта смерть была угодна богу.

Заботу о детях Войно-Ясенецкого взяла на себя его операционная сестра Софья Сергеевна Велецкая, тоже недавно овдовевшая, которую он поселил в отдельной комнате своего дома.

Выросший в религиозной семье киевского аптекаря, где основными нравственными критериями были человеколюбие, милосердие, подвижничество, постоянно ищущий свое место в жизни, Валентин Феликсович еще в молодости метался между юриспруденцией, живописью, а в зрелые годы — медициной и религией, нередко попадая из-за этого в сложные жизненные ситуации. Как образно и метко отметила писательница И.Грекова: “Линия религиозная у Войно-Ясенецкого тянулась всю жизнь, зародившись еще в юности, тянулась, не прерываясь, а лишь истончаясь и уходя на долгие годы в глубину души”.¹

В середине 1919 года банды атамана Дутова под Оренбургом были разгромлены, блокада Туркестанской республики разорвана, и сразу улучшилось продовольственное положение в Ташкенте. 15 августа 1919 года наконец открывается Высшая краевая медицинская школа, в которой начал преподавать анатомию доктор медицины Войно-Ясенецкий. Символично, что под школу было отведено помещение кафешантана “Буфф”.

В организованном по декрету В.И.Ленина в мае 1920 года Туркестанском Государственном университете открывается медицинский факультет на базе Высшей медицинской школы. Возглавила медицинский факультет большая группа профессоров и преподавателей из Москвы и Петрограда, направленная в Ташкент и прибывшая туда специальным поездом 19 февраля 1919 года. Сотрудниками факультета стали и преподаватели медицинской школы. Доктор медицины Войно-Ясенецкий был утвержден заведующим кафедрой топографической анатомии и оперативной хирургии.

Нагрузка заметно прибавилась. Валентин Феликсович с увлечением читал лекции, вел практические занятия. Все дни недели были загружены до предела, но в воскресенье он оставался один на один с самим собой, со своими невеселыми мыслями о рано потерянной любимой жене, и его тянуло в церковь, к которой он все больше и больше привязывался. Этому способствовало и другое...

Он никак не мог понять, почему новая власть много делает для простых людей — развивает здравоохранение, заботится о просвещении, помогает бедным, и в то же время... выступает против религии, в основе которой милосердие, помощь страждущим и падшим.

Для него было непостижимо, почему бывшие верные прихожане грабят, а порой и рушат храмы. Об официальном отношении новой власти к религиозным культам красноречиво свидетельствовали и лозунги, вроде “Поп, помещик и белый генерал — злейшие враги Советской власти”, карикатура в печати, антирелигиозные митинги и манифестации.

А Войно-Ясенецкий все чаще посещает церковь, участвует в религиозных диспутах, сочетая это с интенсивной организационной, лечебной и преподавательской работой.

В январе 1920 года он присутствует на епархиальном съезде духовенства, куда его пригласили как деятельного прихожанина и уважаемого в городе человека. Валентин Феликсович произнес на этом съезде речь, после которой епископ Туркестанский и Ташкентский Иннокентий предложил ему стать священником. И... врач Войно-Ясенецкий согласился. В этом поступке он видел протест против преследования религии. В написанных на склоне лет мемуарах он отмечает: “Это необыкновенное событие посвящения в дьяконы произвело огромную сенсацию в Ташкенте, и ко мне пришли большой группой, во главе с одним профессором, студенты медицинского факультета. Конечно, они не могли понять и оценить моего поступка, ибо сами были далеки от религии. Что поняли бы они, если бы я сказал им, что при виде карнавалов, издевавшихся над Господом нашим Иисусом Христом, мое сердце громко кричало: “Не могу молчать”. Я чувствовал, что мой долг — защитить проповедью оскорбленного Спасителя нашего!”

В начале февраля 1920 года Валентин Феликсович появился в больнице в рясе с наперсным крестом на груди. Не обращая внимания на изумленные взгляды сотрудников, он спокойно прошествовал по коридору, вошел в кабинет, снял рясу, надел белый халат и приступил к обычной работе. Не реагируя на протесты и возмущение некоторых сотрудников и студентов, он продолжал свою лечебную и педагогическую деятельность и одновременно регулярно служил и выступал с проповедями в церкви.

Парадоксально, но именно теперь, после длительного перерыва он начинает снова заниматься научной деятельностью. Но, если раздвинуть исторические рамки, то легко увидеть, что Войно-Ясенецкий не одинок. Такие всемирно известные медики-ученые и общественные деятели, как лауреат Нобелевской премии академик И.П.Павлов, А.Швейцер, Дж.Экклс, лауреат Государственной премии СССР академик С.П.Филатов, были глубоко религиозными людьми, хотя официально никаких церковных должностей не занимали.

После шестилетнего перерыва, в 1921 году Валентин Феликсович делает сообщение на заседании Ташкентского медицинского общества о своем способе операции при абсцессах печени. Пытаясь изучить механизм возникновения нагноительных процессов в реберных хрящах после сыпного тифа, Войно-Ясенецкий совместно с врачом-бактериологом Гусельниковым проводит исследования, которые позволили ему с трибуны I съезда врачей Туркестанской республики в октябре 1922 года пророчески предсказать, что “в будущем бактериология сделает ненужными очень многие отделы

оперативной хирургии”.

На этом съезде Войно-Ясенецкий представляет четыре доклада, в которых обсуждаются собственные наблюдения и выводы о хирургическом лечении туберкулеза, гнойных воспалительных процессов коленного сустава, сухожилий рук, реберных хрящей. Нестандартные решения вызвали в прениях бурные споры.

Впервые в республике Войно-Ясенецкий сообщает о поразительных результатах лечения костного туберкулеза, достигнутых солнцелечением в высоких горах, и считает, “что в столь близких от Ташкента Чимганских горах условия для солнцелечения несколько не хуже, чем в Швейцарии. Должны быть использованы и могучие по действию грязи в Молла-Кора и Яны-Кургане и купания на Аральском море”.

Блестящий мастер хирургических операций на органах зрения, предложивший свою оригинальную методику удаления слезного мешка, он обращается к делегатам съезда со страстным призывом, направленным на действенную борьбу с распространенной среди местного населения трахомой—основной причиной слепоты: “Было бы делом огромной важности организовать очень кратковременные курсы для врачей, на которых они познакомились бы с производством разреза роговицы... выпущенном слезного мешка и пересадкой слизистой на веко. Эти 3 операции вполне доступны каждому практическому врачу в самых глухих углах”.

Оба предложения профессора Войно-Ясенецкого нашли свое отражение в резолюции I научного съезда врачей Туркестана, профессорам Турбину и Войно-Ясенецкому было поручено составить краткое практическое руководство для врачей по глазным болезням.

Быстро пролетела неделя интересных встреч, обмена мнениями, горячих споров. И снова суровые будни 20-х годов, когда продолжал рушиться старый и в нелегкой борьбе создавался новый общественный строй. В это бурное и сложное время многие руководители наивно полагали, что атеистическая пропаганда, осмеивание церкви в сочетании с административными мерами принуждения быстро сделают большинство верующих атеистами. Оказалось наоборот. Закрытие церквей, сбрасывание колоколов, разрушение храмов только ожесточали сердца верующих, ибо карательные акции были чрезмерными, грубыми и нередко необоснованными. Эти ошибки и просчеты в отношении религии тотчас же использовались контрреволюционными элементами, в том числе и некоторыми служителями церкви, которые тайком и открыто выступали с антисоветскими проповедями, оказывали помощь врагам Советской власти. Конфликт между новым общественным строем и православной церковью разрастался. В 1923 году резко усилились гонения на церковь: арестован патриарх Тихон, провозгласивший с амвона анафему Советской власти, из-за разногласий в правящих церковных кругах покинул Ташкент епископ Иннокентий. Тогда сосланный в Среднюю Азию епископ Андрей (Князь Ухтомский) предложил В.Ф.Войно-Ясенецкому возглавить в Туркестанском крае русскую православную церковь.

Этот выбор был сделан не случайно. Валентин Феликсович был не только религиозный дофанатизма священнослужитель, прекрасно знающий священное писание и кристально честный человек, но и замечательный хирург-бессребреник, имеющий огромный авторитет не только у населения, но и у властей.

Войно-Ясенецкий был пострижен в монахи под именем Луки, так как, по преданию, евангелист и апостол Лука был иконописцем и врачом. Вскоре, 31 мая 1923 года, в г. Пенджикенте (Таджикистан) В.Ф. Войно-Ясенецкий после посвящения стал епископом Ташкентским и Туркестанским.

Но высокая церковная должность не оторвала Валентина Феликсовича от медицины. Он продолжал работать главным врачом больницы, много оперировал, руководил кафедрой в медицинском институте и еще выкраивал время для своих научных исследований. Для религиозных дел оставались вечера и воскресенье.

В одном из писем Войно-Ясенецкий писал: “Не пробуйте разделить хирурга и епископа. Образ, разделенный надвое, неизбежно окажется ложным”.

Но жизнь вносила свои коррективы. Вскоре это зыбкое равновесие между медициной и религией было нарушено. Посетивший хирургическое отделение городской больницы тогдашний комиссар здравоохранения Л.И. Гельфгот обратил внимание на висевшую в операционной небольшую икону-образок и приказал ее снять, что было немедленно сделано.

Об этом эпизоде рассказывает очевидец, 94-летний доцент М.В. Парадоксов — бывший заведующий кафедрой стоматологии ТашМИ: “В актовом зале вот-вот должно было начаться заседание научного общества врачей города. Зал был полон, были уже заняты места в президиуме, и в это время на свободную еще кафедру поднялся Войно-Ясенецкий. Огромного роста, подтянутый, роскошные борода и волосы, в шелковой рясе, на груди панагия (образок) — атрибут епископа, снял очки — глаза горят. Обращаясь к залу, он громким, несколько взволнованным голосом сказал: “В Гельфгота вселился бес. Он снял икону в операционной и этим лишил меня возможности работать”.

Вскоре икона была водворена на прежнее место. Говорили, что этому способствовала необходимость прооперировать жену какого-то начальника, когда срочно понадобился Войно-Ясенецкий.

Но работать ему пришлось недолго. Одновременно быть активным хирургом и активным церковным деятелем становилось все более и более трудно. Начались гонения. Газета “Туркестанская Правда” от 3 августа 1923 года в статье “Завещание лжеепископа Луки” подвергает Войно-Ясенецкого настоящей травле. Вскоре он был арестован по незаслуженному обвинению в антисоветской деятельности и сослан в Сибирь.

Свое отношение к Советской власти Валентин Феликсович выразил в одном из писем: “На

допросе чекист спрашивал меня о моих политических взглядах и о моем отношении к Советской власти. Услышав, что я всегда был демократом, он поставил вопрос ребром: “Так кто Вы — друг или враг наш?” Я ответил: “И друг и враг. Если бы я не был христианином, то, вероятно, стал бы коммунистом. Но Вы возглавили гонение на христианство, и поэтому, конечно, я не друг Ваш”.

Сосланный в Енисейск, Войно-Ясенецкий продолжает заниматься церковной деятельностью и много оперирует, упорно продолжает собирать материал для давно задуманных “Очерков гнойной хирургии”. Ему была предоставлена возможность выписывать и получать медицинские газеты и журналы.

Требовали обобщения и многочисленные интересные наблюдения, собранные в земских больницах и Ташкенте, которые он привез с собой. Работал над книгой Валентин Феликсович обычно ночью, когда ему никто не мешал, — другого времени не было.

Привезенный материал был собран с большой тщательностью и скрупулезностью. Казалось бы незначительные, но важные детали не ускользали от внимания кропотливого ученого.

Узнав о 75-летнем юбилее великого физиолога, академика И.П.Павлова, ссыльный профессор посылает ему поздравительную телеграмму. Сохранился полный текст ответной телеграммы И.П.Павлова В.Ф.Войно-Ясенецкому:

“Ваше преосвященство и дорогой товарищ! Глубоко тронут Вашим теплым приветствием и приношу за него сердечную благодарность. В тяжелое время, полное неотступной скорби для думающих и чувствующих по-человечески, остается одна опора — исполнение по мере сил принятого на себя долга. Всей душой сочувствую Вам в Вашем мученичестве. Искренне преданный Вам Иван Павлов”.

Да — сложилась необычная и до горечи обидная ситуация: архиепископ Лука находится в ссылке в Красноярском крае, а идеи профессора-хирурга В.Ф.Войно-Ясенецкого распространяются не только в Советском Союзе, но и за рубежом. В 1923 году в немецком медицинском журнале “Deutsch Zeitschrift” опубликовывается его статья о новом методе перевязки артерии при удалении селезенки, а в 1924-м в “Вестнике хирургии” — сообщение о хороших результатах раннего хирургического лечения гнойных процессов крупных суставов.

Три года по необоснованному обвинению в антисоветской деятельности В.Ф.Войно-Ясенецкий находился в ссылке. Наконец он был реабилитирован и возвратился в Ташкент.

Детей застал здоровыми, все учились. От многих невзгод, связанных со ссылкой отца, их постоянно выручали доктор Слоним и доктор Рогоза. Но не от всех: после ареста Войно-Ясенецкого квартиру забрали, и дети вместе с Софьей Велецкой поселились в

крохотной комнатухе, где пришлось соорудить двухэтажные нары.

Кажется парадоксальным, но религиозный до фанатизма отец не делал никаких попыток приобщить к церкви детей, считая, что отношение к религии — сугубо личное дело каждого человека. Интересно, что все дети пошли по его стопам и стали медиками: Михаил и Валентин стали докторами медицинских, а Алексей — биологических наук; единственная дочь Елена — врачом-эпидемиологом. Внуки и правнуки знаменитого хирурга пошли по тому же пути.

В.Ф.Войно-Ясенецкому было запрещено выполнять обязанности епископа, а также преподавать в медицинском институте.

Кафедральный собор был разрушен. Валентин Феликсович стал служить простым священником в церкви преподобного Сергия Радонежского, расположенной недалеко от дома по Учительской улице, в котором он жил и вел прием многочисленных больных. Верный своим принципам, за лечение по-прежнему денег не брал и жил очень скромно, даже бедно. Позднее он стал снова работать в городской больнице.

В любых жизненных ситуациях Войно-Ясенецкий всегда оставался врачом, готовым оказать максимально возможную медицинскую помощь, проявляя при этом завидную смелость и незаурядную изобретательность. Однажды в поселке Романово он на дому вскрыл у тяжело больной женщины забрюшинный гнойник, а на пересыльном пункте в одной из деревень по дороге в Енисейск слесарными щипцами у молодого крестьянина извлекает из гноящейся раны кусок плечевой кости, пораженной остеомиелитом. Таких необычных случаев в его богатой врачебной практике было много. Всех не перечислить, но хочется рассказать еще об одном — с остроумным и оригинальным решением.

Во время летнего отдыха в одном из предгорных селений Валентин Феликсович был срочно приглашен к молодой женщине, внезапно потерявшей сознание. Пульс не прощупывался — резко упало кровяное давление — коллапс. Что делать? Профессор полотенцами быстро и туго бинтует руки и ноги и придает им вертикальное положение, что резко уменьшает в них циркуляцию крови и быстро повышает ее объем в сосудах головного мозга и внутренних органов. Через некоторое время появился пульс. Больная пришла в сознание и благополучно транспортирована в Ташкент.

Митрополит Сергей предлагал епископу Луке высокие церковные должности во многих городах страны, от которых он категорически отказался и подал прошение об увольнении на покой. Отставка была принята, и профессор Войно-Ясенецкий посвятил себя целиком медицинской деятельности. Она была прервана выстрелом, которым был убит в собственном доме профессор Михайловский...

Заведующий кафедрой физиологии Ташкентского медицинского института профессор Михайловский многие годы занимался проблемой оживления организма. Около двух лет он держал у себя на кафедре в ванне в специальном растворе труп сына, надеясь его

оживить. Естественно, многие считали ученого-материалиста психически неполноценным. Вместе с тем им был опубликован ряд интересных работ по вопросам физиологии.

Следственные органы долго разбирались в этом запутанном деле. Первоначальная версия — самоубийство. В дальнейшем по подозрению в убийстве была арестована жена покойного Гайдабурова, у которой при обыске обнаружена записка, подписанная доктором медицины, епископом Лукой и скрепленная личной его печатью: “Удостоверяю, что лично мне известный профессор Михайловский в течение двух последних лет психически ненормален”.

На допросе Валентин Феликсович объяснил этот документ; “По многим жизненным поступкам я считал и считаю, что проф. Михайловский был психически ненормальным человеком, хотя как к врачу он ко мне никогда не обращался. Справку я выдал из милосердия, чтобы помочь вдове упростить процедуру церковных похорон, которые без установления нарушения психики у самоубийцы были невозможны”.

Эта записка связала Войно-Ясенецкого с судебным делом, которому в дальнейшем была предана политическая окраска — об участии церковников в убийстве профессора-материалиста.

Этот уголовный процесс совпал с новой волной гонений на церковь. Отношение к религиозным деятелям определялось тем же сталинским тезисом об обострении классовой борьбы по мере успехов социалистического строительства. И церковь как институт, который нельзя отделить от общества, вместе со всем обществом пережила страшные последствия применения сталинской теории на практике.

6 мая 1930 года В.Ф.Войно-Ясенецкого арестовали, и только через год — 15 мая 1931 года — решением чрезвычайной тройки ОГПУ он был приговорен к ссылке на три года с исчислением срока со дня ареста. Войно-Ясенецкому вменялось в вину подстрекательство к самоубийству профессора Михайловского. В Архангельске ему была разрешена медицинская практика без хирургии, отчего он очень страдал. “Хирургия — это та песнь, которую я не могу не петь”, — писал Валентин Феликсович домой. В ноябре 1933 года архангельская ссылка кончилась. Короткий период он жил и работал в Москве, Феодосии, снова в Архангельске, затем в Андижане. И, наконец, вернулся в Ташкент, где вместе с семьей поселился в небольшом домике на берегу Салара, недалеко от польского костела. Валентин Феликсович — одновременно епископ Сергиевской церкви, расположенной на углу Асакинской и Пушкинской улиц, и заведующий недавно открытым отделением гнойной хирургии в Институте неотложной помощи. В отделении под его руководством работали хирурги М.А.Ротенберг, Г.Ильин, С.А.Масумов, Р.К.Федермессер, А.И.Беньяминович и др. — будущие профессора и доценты хирургических клиник. В 1935 году профессор В.Ф.Войно-Ясенецкий приглашается на руководство кафедрой хирургии Института усовершенствования врачей, а в декабре этого же года Наркомздрав УзССР присуждает ему ученую степень доктора наук без

защиты диссертации. Как будто все примирились с “двойной” деятельностью Валентина Феликсовича. В его рабочем кабинете целый угол занимали иконы, среди которых было много ценных, а в доме — никакой роскоши, только все самое необходимое.

Продолжалась дружба с профессором М.И.Слономом. Дети профессора Юдифь Моисеевна и Евсей Моисеевич Слонимы хорошо помнят тот период: “Профессор Войно-Ясенецкий часто бывал у нас в доме и подолгу беседовал в кабинете с отцом. Приходил всегда один, был немногословен. Когда в доме (а это было довольно часто) собирались гости, чаще всего врачи, Валентина Феликсовича не было.

Войно-Ясенецкому не удалось уговорить Моисея Ильича принять христианскую веру, а неверующему отцу — сделать Валентина Феликсовича приверженцем иудаизма, что они часто шутя предлагали друг другу. Отец высоко ценил хирургическое мастерство и диагностические способности Войно-Ясенецкого. Он часто в разговоре подчеркивал и его душевные качества — любовь к людям, человечность, бескорыстие. Когда наша мать заболела острым аппендицитом, ее оперировал Валентин Феликсович. Отец предпочел его, хотя имел возможность пригласить любого хирурга в Ташкенте.

В рождественские праздники в его доме всегда была большая елка, на которую приглашалось много детей разных национальностей, их щедро одаривали подарками”.

После долгих хлопот и трудностей, наконец, в 1934 году осуществилась многолетняя мечта профессора — были изданы “Очерки гнойной хирургии”, в которых обобщен богатейший опыт автора. Во введении он пишет: “Чрезвычайно тяжелый путь сельского хирурга-самоучки, который мне пришлось пройти, научил меня весьма многому, чем хотелось бы теперь, на склоне моей хирургической деятельности поделиться с молодыми врачами”.

Подобных публикаций раньше не было. В предисловии к книге профессор В.С.Левит подчеркнул, что, “обладая хорошим языком и легким слогом, автор в такой форме излагает истории болезни, что создается впечатление, будто больной тут же присутствует, тут же обследуется и демонстрируется перед слушателями”.

Неудивительно, что книга, охватывающая основные разделы гнойной хирургии, несмотря на большой по тому времени тираж (10200 экземпляров), быстро превратилась в библиографическую редкость. Горячо принятая практическими врачами и научным миром, она стала настольной книгой врачей многих специальностей. Восторженный отзыв о книге дал выдающийся хирург И.И.Греков.

Окрыленный Валентин Феликсович, считая, что сделано еще очень мало, упорно продолжает собирать материал для следующего — второго издания. Гнойное хирургическое отделение предоставляло для этой цели неограниченные возможности.

Войно-Ясенецкий работал с колоссальной нагрузкой. Ранним утром — богослужение в

церкви, днем — лекции, операции, обходы больных, вечером — вновь церковь. Ей целиком посвящалось и воскресенье, но, если его вызывали в клинику, дальнейшее ведение богослужения передавалось другому священнику. Епископ Лука мгновенно “перевоплощался” в профессора Войно-Ясенецкого...

Спокойная жизнь длилась всего три года. Наступил страшный для страны 1937 год... Он не обошел и духовенство. 13 декабря, на следующий день после первых выборов в Верховный Совет СССР по новой Конституции, Войно-Ясенецкий был снова арестован, по стандартному тогда обвинению в шпионаже... в пользу Ватикана!

В невероятно тяжелых условиях тюрьмы, подвергаясь непрерывным допросам днем и ночью, лишенный сна, с распухшими от долгого стояния ногами, Валентин Феликсович объявил голодовку. Но допросы продолжались, и он падал от истощения. Ведь Войно-Ясенецкому было уже 60 лет.

В состоянии крайнего истощения Валентин Феликсович был помещен в тюремную больницу. Однако и там, несмотря на свое тяжелое состояние, он по долгу врача и священника старался оказывать другим заключенным посильную помощь.

Два года семья ничего не знала о судьбе профессора. А здоровье его катастрофически ухудшалось — усилились отеки ног, появилась одышка. Так по тюремным камерам и больницам провел он около четырех лет, не признавая выдвинутые против него ничем не обоснованные обвинения.

Тюремное заключение закончилось высылкой в Сибирь.

Репрессированного профессора с момента ареста сразу вычеркнули из официальной медицины. “Очерки гнойной хирургии” были изъяты из библиотек. В юбилейном сборнике “XX лет Ташкентского медицинского института”, изданном в 1939 году, имя Войно-Ясенецкого ни разу не упоминается, нет его фамилии и в перечне работ, опубликованных врачами Ташкента за эти годы. Да не только его. Не упоминаются дерматолог А.А.Аковбян, хирург С.А.Масумов и многие другие врачи — жертвы 1937 года.

Но имя профессора Войно-Ясенецкого продолжало упорно жить. Врачи постоянно пользовались его прекрасной книгой, делали операции по его методикам, а сотни излеченных больных, их родственники и друзья благодарно вспоминали Валентина Феликсовича; оставался епископ Лука и в памяти верующих как добрый, с открытым сердцем человек, всегда готовый помочь ближнему.

В место ссылки — село Большая Мурта, расположенное в 110 км от Красноярска, Войно-Ясенецкий попал в марте 1940 года и был назначен хирургом в районную больницу. Это была уже третья ссылка... Жил в небольшой камерке, питался впроголодь. Особенно угнетало отсутствие церкви в этом селе.

До сих пор в Красноярске проживает врач, Б.И.Ханенко, который помнит Валентина Феликсовича по Большой Мурте: “Все его звали “отец Лука”. Внешне суровый, строгий, он был справедливым и человечным. Вставал в 5 утра, молился перед иконой. Перед операцией крестился, крестил больного и приговаривал: “Все, что от меня зависит, обещаю сделать, остальное — от бога”.

Однажды тяжело заболел профессор Томского медицинского института Федоров. Диагноз — тромбоз вен нижних конечностей ног. Лечившие его врачи видели только один выход — ампутацию. Слава ссыльного профессора уже вышла за пределы Красноярского края и дошла до Томска. Войно-Ясенецкого пригласили к больному, и местные власти дали разрешение на эту поездку. В клинике прошел слух — приехал поп из Большой Мурты лечить Федорова. Валентин Феликсович, осмотрев больного, сказал: “Ампутацию произвести никогда не поздно”. И назначил лечение. Чем и как лечил он профессора Федорова, я не помню, но знаю, что больной выздоровел и еще долго работал”.

С первых дней Великой Отечественной войны Войно-Ясенецкий буквально “бомбардирует” начальство всех рангов с требованием предоставить ему возможность лечить раненых. По воспоминаниям И.М.Назарова, бывшего начальника Енисейского пароходства, он отправил Калинин телеграмму следующего содержания: “Я епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, отбываю ссылку в поселке Большая Мурта Красноярского края. Являюсь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта и тыла, где мне будет доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку. Епископ Лука”.

Наконец разрешение было получено. 30 сентября 1941 года ссыльный профессор Войно-Ясенецкий переводится в г.Красноярск для работы консультантом в многочисленных госпиталях, имевших более 10000 коек. Начальство отнеслось к Валентину Феликсовичу настороженно — все-таки ссыльный поп. А в камерке, в которой его поселили, иконы на стене, а на столе — портрет Ленина. Это необычное сочетание вполне объяснялось его взглядами, о которых поведала работавшая в те годы с Валентином Феликсовичем врач-хирург Валентина Николаевна Зиновьева: “Он часто говорил, что и у Ленина и в религии есть что-то общее в морально-эстетическом вопросе”. С первых же дней работы в Красноярских госпиталях он трудился самозабвенно. Много оперировал, все свои силы и знания отдавал обучению молодых хирургов и, как всегда, тяжело переживал каждую смерть. Питался плохо, часто не успевал даже получать продовольствие по своим карточкам.

Все трудности и несправедливости последних лет, обрушившиеся на него, не убили в профессоре пытливого исследователя. Войно-Ясенецкий один из первых в Великую Отечественную войну указывает на необходимость раннего и радикального лечения остеомиелитов, осложняющих ранения костей. “Лечение тяжелых осложнений гнойной инфекцией ран суставов является одной из важнейших задач тыловых госпиталей”, — пишет он в кратком вступлении к своей новой книге “Поздние резекции при

инфицированных огнестрельных ранениях суставов”, изданной в 1944 году. Эта книга становится незаменимым пособием для хирургов страны. Благодаря Войно-Ясенецкому тысячам и тысячам раненых не только была спасена жизнь, но и возвращена ни с чем не сравнимая радость самостоятельного передвижения. Часто в палатах выздоравливающие встречали старого профессора необычным, но выразительным приветствием — поднимая ранее искалеченные и недвижные конечности.

Наконец была закончена переработка “Очерков гнойной хирургии”, объем которых увеличился более чем в полтора раза. Книга была завершена в 1943-м, но издать ее удалось только в 1946 году.

Первые годы Великой Отечественной войны убедительно показали, что религиозность вполне сочетается с патриотизмом и гражданским мужеством.

Уже 22 июня 1941 года митрополит Московский и Коломенский Сергей обратился с проникновенным воззванием к верующим, в котором, в частности, сказал: “Отечество защищается оружием и общим народным подвигом... тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда... Православная Церковь всегда разделяла судьбу народа... не оставит она свой народ и теперь... благословляет она православных на защиту священных границ нашей Родины...”

Это воззвание зачитывалось во всех храмах. На средства церкви были созданы эскадрилья самолетов имени Александра Невского и танковая колонна имени Дмитрия Донского. К концу 1944 года сумма взносов от Русской православной церкви на оборону составляла 150 миллионов рублей.

Патриотизм верующих и вся суровая действительность военных лет заставили Сталина и правительство изменить отношение к религиозным культам и, в первую очередь, к Русской православной церкви. Это сразу же отразилось на положении Войно-Ясенецкого — его переселили в лучшую квартиру, обеспечили хорошей одеждой и питанием. В марте 1943 года была открыта первая маленькая церковь в Николаевне (пригород Красноярска), и ссыльный епископ Лука был назначен красноярским епископом, Войно-Ясенецкий участвует в соборе епископов Русской православной церкви, созванном 8 сентября 1943 года, и избирается постоянным членом священного синода. Священный синод возводит его в ранг архиепископа, приравняв лечение раненых “к доблестному архиерейскому служению”.

В начале 1944 года часть эвакуогоспиталей была переброшена из Красноярска в Тамбов. Вместе с ними переехал в Тамбов и Войно-Ясенецкий, получивший одновременно перевод и по церковной линии, возглавив тамбовскую епархию.

С первых дней работы в эвакуогоспиталях Войно-Ясенецкий — активный участник многочисленных совещаний и конференций врачей эвакуогоспиталей, на которых он

упорно пропагандирует возможно раннее радикальное оперативное лечение раневых остеомиелитов.

Вот каким запомнился знаменитый профессор кандидату медицинских наук В.А.Полякову на одном из совещаний: “Собралось много народа. Все расселись по своим местам, а за столом президиума уже поднялся председательствующий, чтобы объявить название доклада.

Но вдруг широко открылись обе створки двери, и в зал вошел человек огромного роста, в очках. Его седые волосы ниспадали до плеч. Легкая, прозрачная, белая кружевная борода покоилась на груди. Губы под усами были крепко сжаты. Большие белые руки перебирали черные матовые четки.

Человек медленно вошел в зал и сел в первом ряду. Председательствующий обратился к нему с просьбой занять место в президиуме. Он поднялся, прошел на подмости и сел в предложенное ему кресло.

Это был профессор Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий”.

Несмотря на возраст и ухудшившееся здоровье, особенно зрение, Валентин Феликсович продолжал активно работать как в медицине, так и на религиозном поприще. В 1943-45 гг. в “Журнале Московской Патриархии” он публикует несколько статей и проповедей, в которых жгучими и вдохновенными словами призывает верующих бороться с гитлеровскими захватчиками.

В ноябре 1945 года Войно-Ясенецкий отправляется в Москву. Дорога из Тамбова в столицу, несмотря на небольшое расстояние, была долгой. Поезда двигались медленно, с частыми остановками. Вдоль железнодорожного полотна то и дело виднелись искореженные железнодорожные вагоны и паровозы, разрушенные водокачки и станционные здания — следы бомбежек. Ветхие вагоны были переполнены пассажирами; преобладали военные, демобилизованные, выписанные из госпиталей раненые. С болью в сердце смотрел Валентин Феликсович на мелькавшую перед окнами израненную страну, особенно бросались в глаза калеки — без рук, без ног, слепые... и дети-сироты. На них не мог он спокойно смотреть.

Глядя на последствия войны, Войно-Ясенецкий не представлял себе, как могут священнослужители Ватикана просить о помиловании главных фашистских военных преступников, приговоренных к смертной казни на Нюрнбергском процессе. Сообщения об этом появились в последних номерах газет.

Так зародилась и была быстро написана статья “Возмездие свершилось”, в которой он в резких тонах критикует папу римского Пия XII за его обращение к международному трибуналу с просьбой о помиловании. “Страшные люди, поставившие себе целью истребить евреев, уморить голодом, задушить в “душегубках” миллионы поляков,

украинцев, белорусов, а всех остальных обратить в рабство, неужели научатся правде, если будут помилованы?” — вопрошает он.

Однажды в Москве Войно-Ясенецкий посещает выдающегося советского хирурга Сергея Сергеевича Юдина, с которым его связывала завязавшаяся в военные годы дружба во время непродолжительных встреч на конференциях и совещаниях.

Валентин Феликсович знакомится с работой Института скорой помощи им.Склифосовского, присутствует на операциях Сергея Сергеевича и в последний день последнего военного года, 31 декабря, оставляет в альбоме почетных посетителей следующую запись: “Хирург в прошлом блестящему хирургу настоящего и будущего профессору С.С.Юдину. Свидетельствую свое восхищение его блестящей техникой и неисчерпаемой энергией в строительстве новой хирургии нашей великой Родины”.

Войно-Ясенецкий и не предполагал, что через два года вернется в этот институт навечно в бронзе. Его бюст будет установлен в галерее знаменитых хирургов.

1946 год был знаменательным в жизни Войно-Ясенецкого. Представленные Наркоматом здравоохранения его фундаментальные работы “Очерки гнойной хирургии” и “Поздние резекции при инфицированных ранениях суставов” были удостоены Государственной (тогда Сталинской) премии 1 степени в 200 тысяч рублей.

Гордый и независимый Валентин Феликсович не устоял против посылки Сталину благодарственной телеграммы по поводу высокой награды, написанной в несвойственном ему высокопарном стиле того времени:

Москва

Генералиссимусу И.В.Сталину

Прошу Вас, высокочтимый Иосиф Виссарионович, принять от меня 130.000 рублей, часть премии Вашего славного имени, на помощь сиротам, жертвам фашистских извергов

Тамбовский архиепископ Лука Войно-Ясенецкий

профессор хирургии

Вскоре была получена ответная телеграмма:

Тамбов

Тамбовскому архиепископу Луке Войно-Ясенецкому профессору хирургии

Примите мой привет и благодарность правительства Союза ССР за Вашу заботу о сиротах, жертвах фашистских извергов

Сталин

Публикация этих телеграмм в печати дала повод для слухов, будто бы Войно-Ясенецкий встречался и беседовал со Сталиным, который в одной из встреч задал ему “каверзный” вопрос:

— Профессор! Во время операции Вам ведь не приходилось встречаться с человеческой душой?

— С совестью мне тоже не приходилось встречаться, но она тем не менее существует, — будто бы ответил Валентин Феликсович.

В действительности Войно-Ясенецкий со Сталиным никогда не встречался. Однако этот мифический диалог весьма красноречиво свидетельствует о мироощущениях врача и священника.

Отмечая заслуги советских медиков — первых послевоенных лауреатов Сталинской премии, Нарком здравоохранения СССР 40-50-х годов Г.А.Митерев в своих мемуарах “В дни мира и войны” писал: “В.Ф.Войно-Ясенецкому, его исследованиям обязаны жизнью многие сотни раненых, что ставит этого хирурга в один ряд с самыми выдающимися врачами нашего времени”.

Второе издание “Очерков” было восторженно встречено как маститыми учеными, так и молодыми врачами. В них был заложен многолетний опыт доброжелательного наставника. Монография написана с большим литературным мастерством, тонким знанием дела и огромной любовью к больным. В многочисленных рецензиях ее ставили в один ряд с трудами таких выдающихся хирургов, как С.С.Юдин, Г.Мондор, Ф.Лежар.

В предисловии к третьему изданию, вышедшему в 1956 году, проф. А.Н.Бакулев и проф. П.А.Куприянов писали: “До выхода в свет труда В.Ф.Войно-Ясенецкого, пожалуй, никому не удалось провести с такой последовательностью анатомо-топографический принцип в изучении нагноительных процессов, т.е. тот принцип, который был впервые выдвинут великим Н.И.Пироговым”.

В Тамбове к концу войны располагалось около 150 госпиталей по 500-600 коек в каждом. Поле деятельности для профессора-хирурга было достаточное. Однако здоровье его все больше и больше ухудшается, слабеет зрение. Он уже не в состоянии выполнять сложные и длительные операции.

Еще в 1946 году в письме в Красноярск Валентине Николаевне Зиновьевой Войно-Ясенецкий писал: “Мое сердце плохо, и все исследовавшие его врачи и

профессора считают совершенно необходимым для меня оставить активную хирургию. И еще одно большое горе. На единственном моем зрячем глазу образуется катаракта, и предстоит слепота. Впрочем, может быть, не доживу до нее, т.к. мне уже 69 лет. Меня пропагандируют оперироваться за границей. Приезжал командированный из Москвы фоторепортер ТАСС сделать снимки с меня для заграничных журналов, а приехавший недавно из Нью-Йорка архиепископ Ярославский уже читал в тамошних газетах сообщение об архиепископе — лауреате Сталинской премии. Скоро приедет скульптор из Москвы, чтобы сделать мой бронзовый бюст для затеянной Юдиным галереи крупнейших хирургов. На мне исполнились Божьи слова “прославляющего мя прославлю”. А ведь я совсем не искал славы и никогда не помышляю о ней. Она сама пришла. К ней я равнодушен”.

В конце письма он сообщает, что “ходатайство паствы и духовенства об оставлении меня в Тамбове не уважено патриархом, и скоро придется ехать в Крым”.

В мае 1946 года архиепископ Симферопольский и Крымский Войно-Ясенецкий переезжает в сильно разрушенный войной Симферополь. Несмотря на занятость, он продолжает заниматься научной работой, старается сохранить сложившийся в последние годы жизненный режим: бесплатный прием больных дома, консультации в госпиталях, проведение богослужений, руководство епархией. Высокого по тем временам оклада — 10000 рублей в месяц — хватает только на скромную жизнь. Ведь за обеденный стол садились обычно 18-20 человек — служители церкви, многочисленная родня, гости... В соответствии с неприхотливым вкусом и возможностями хозяина готовилась простая пища — чаще всего, похлебка. Живя в Симферополе, он поддерживает связь с Ташкентом. Переписывается с некоторыми ташкентскими хирургами, в частности, профессором Масумовым, интересуется медицинскими новостями ставшего близким ему города.

Архиепископ Лука продолжает участвовать в общественной жизни и, в первую очередь, в борьбе за мир. В воззвании “Защитим мир служением добру!” он провозглашает: “Противодействовать злу войны и всякому социальному злу церковь может только служением добру, ибо зло побеждается только добром”.

В.Ф.Войно-Ясенецкий В 1956 году Войно-Ясенецкий полностью ослеп. Потеря зрения окончательно оторвала его от медицины и полностью отдала во власть религии. Многие жизненные эпизоды и ситуации прошлого стали преломляться в далеких от действительности “видениях”. В записанных в эти годы со слов архиепископа Луки мемуарах упорно и непрерывно проходит мысль, что все происходившее в его жизни было “предначертано свыше”.

Законы жизни неумолимы. 11 июля 1961 года в 84-летнем возрасте Валентин Феликсович закончил сложный и трудный, но всегда честный и отданный человечеству жизненный путь.

...Хоронили архиепископа Луку со всеми религиозными почестями. Огромное количество людей провожало в последний путь доктора медицины, профессора Войно-Ясенецкого — блестящего хирурга, известного врача и ученого, замечательного душевного человека, верного сына своей Родины.

А на его надгробии высечено:

Архиепископ Лука Войно-Ясенецкий
18 (27). IV.77 - 19 (11). VI.61
Доктор медицины, профессор хирургии,
лауреат.

С.Варшавский, И.Змойро
Журнал "Звезда Востока", № 4, 1989 г.